
pocket**book**

rocket**book**

БРЭМ СТОКЕР

Гость Дракулы

Москва
2019

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
С81

Перевод с английского *Кирилла Савельева*

Оформление серии *Андрея Саукова*

В оформлении обложки использована
репродукция картины
Каспара Давида Фридриха (1774–1840)
«Крест в горах» (1808)

Стокер, Брэм.

С81 Гость Дракулы / Брэм Стокер ; [пер. с англ.
К. Савельева]. — Москва : Эксмо, 2019. — 256 с.

ISBN 978-5-04-099090-0

Сборник мистических рассказов Брэма Стокера, автора культового романа о зловещем вампире графе Дракуле. Заглавный рассказ «Гость Дракулы» сюжетно предваряет основное действие «Дракулы» и изначально являлся одной из его глав; впоследствии был опубликован вдовой писателя вместе с остальными, леденящими кровь, историями.

Смертельно опасные приключения в Вальпургиеву ночь, встречи с жуткими призраками и демоническими существами, предательство и возмездие судьбы... Только не читайте на ночь!

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Савельев К., перевод на русский язык,
2018

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-099090-0

[посвящение]
Моему сыну

ПРЕДИСЛОВИЕ

За несколько месяцев до прискорбной смерти моего мужа — можно сказать, когда смертная тень уже простерлась над ним, — он подготовил для публикации три серии рассказов, и эта книга представляет собой одну из них.

К первоначальному списку рассказов я добавила еще не опубликованный эпизод из «Дракулы». Ранее он был удален из-за большого объема книги, но может оказаться интересным для многочисленных читателей романа, который считается самым значительным литературным произведением моего мужа.

Другие рассказы уже были опубликованы в английских и американских периодических изданиях.

Если бы мой муж прожил дольше, возможно, он счел бы уместным переработать этот эпи-

Брэм Стокер

зод, написанный в более ранний период его напряженной жизни. Но поскольку волею судьбы оказалась распорядительницей его наследия, то решила, что будет логично и правильно издать текст практически в том виде, в каком он его оставил.

Флоренс Брэм Стокер

ГОСТЬ ДРАКУЛЫ

Когда мы отправились в путь, солнце ярко сияло над Мюнхеном, и воздух был напоен ароматами раннего лета. Перед самым отъездом герр Дельбрюк (метрдотель гостиницы «Времена года», где я остановился) с непокрытой головой спустился к экипажу, и, пожелав мне приятной поездки, обратился к кучеру, еще придерживавшему дверцу кареты:

— Помни, что ты должен вернуться до наступления темноты. Небо выглядит безоблачным, но с севера задувает зябкий ветер, который может предвещать внезапную бурю. Но я уверен, что ты не опоздаешь, — тут он улыбнулся и добавил: — Ты же знаешь, каково бывает этой ночью.

— Ja, mein Herr!¹ — выразительно отозвался Иоганн и, прикоснувшись к шляпе, быстро тро-

¹ Да, сударь! (нем.)

нулся с места. Когда мы выехали из города, я жестом попросил его остановиться и спросил:

— Скажи, Иоганн, а какая сегодня будет ночь?

— Вальпургиева ночь, — перекрестившись, лаконично ответил он. Потом он вынул свои часы — массивную и старомодную серебряную луковицу немецкой работы размером с брюкву — и посмотрел на циферблат. При этом он нахмурился и нетерпеливо пожал плечами. Я понял, что таким образом он выражает вежливый протест по поводу нецелесообразной задержки, и опустил на сиденье, давая понять, что можно продолжить поездку. Он быстро тронулся с места, словно пытаясь возместить потерю времени. Время от времени лошади вскидывали головы, с подозрением нюхали воздух. В таких случаях я начинал тревожно оглядываться по сторонам. Дорога была унылой, ибо мы пересекали высокое, продуваемое всеми ветрами плато. Пока мы ехали, я заметил боковую дорогу, которая выглядела мало используемой и спускалась в небольшую извилистую долину. Она имела такой привлекательный вид, что я снова велел Иоганну остановиться, даже рискуя навлечь на себя его недовольство. Когда он сделал это, я сказал, что хочу проехать по боковой дороге. Он стал придумывать всевозможные отговорки и часто крестился при разговоре. Это лишь подстегнуло мое

любопытство, поэтому я стал задавать ему разные вопросы. Он отвечал уклончиво и регулярно поглядывал на часы в знак протеста.

— Ну что же, Иоганн, я хочу спуститься по этой дороге, — наконец сказал я. — Не буду предлагать тебе присоединиться ко мне, если сам не захочешь, но тогда расскажи, почему она тебе не нравится. Это все, о чем я прошу.

Вместо ответа он прыгнул с козел, как чертик из коробки, — с такой скоростью он оказался на земле. Он умоляюще протянул руки и стал упрашивать меня отказаться от этого намерения. Английские слова в его речи были так перемешаны с немецкими, что я едва мог понять его. Он как будто хотел рассказать мне о чем-то, но сама мысль о поездке настолько пугала она, что он каждый раз останавливался и начинал креститься со словами:

— Вальпургиева ночь!

Я пытался спорить с ним, но бесполезно спорить с человеком, если не знаешь его языка. Преимущество определенно было на его стороне, ибо хотя сначала он говорил по-английски, грубо коверкая слова, но потом начинал волноваться и переходил на родной язык, каждый раз при этом поглядывая на часы. Потом лошади забеспокоились и снова стали нюхать воздух. Кучер сильно побледнел, испуганно огляделся и потом вдруг устремился вперед, взял лошадей под узд-

цы и отвел их в сторону примерно на двадцать футов. Я пошел следом и поинтересовался, почему он это сделал. Вместо ответа он снова перекрестился, указал на место, которое мы покинули, и сказал сначала по-немецки, а потом по-английски:

— Похоронили его, — того, кто убил себя.

Я вспомнил о старом обычае хоронить самоубийц на перекрестках дорог.

— А, теперь понятно. Самоубийство, как интересно! — Но я все равно не мог понять, почему лошади так испугались.

Пока мы разговаривали, то слышали странный звук: что-то среднее между визгом и лаем. Он донесся издалека, но лошади буквально вскинулись из-за этого, и Иоганну пришлось приложить все свое умение, чтобы утихомирить их. Он был бледен и сказал:

— Похоже на волка, но сейчас здесь нет волков.

— Волки давно не появлялись так близко от города? — поинтересовался я.

— Давно, давно, — ответил он. — Весной и летом, но со снегом волки были здесь не так давно.

Пока он гладил лошадей и старался успокоить их, по небу быстро поплыли темные облака. Солнце исчезло, и нас коснулось дыхание холодного ветра. Но это было лишь касание, больше

похожее на предупреждение, потому что вскоре солнце засияло снова. Иоганн посмотрел на горизонт, приложив руку козырьком ко лбу, и сказал:

— Снежная буря, она скоро придет, — потом он опять посмотрел на часы, и, крепко удерживая поводья — потому что лошади по-прежнему беспокойно переступали копытами и мотали головами, — забрался на козлы, как будто настало время продолжить нашу поездку.

Я все еще упрямствовал и не захотел сразу садиться в экипаж.

— Расскажи мне, куда ведет эта дорога, — произнес я и указал туда.

Он снова перекрестился и пробормотал молитву, прежде чем ответить.

— Это нечестивое место.

— Какое место? — спросил я.

— Деревня.

— Значит, там есть деревня?

— Нет, нет. Никто там не живет уже сотни лет.

Мое любопытство взмыло до небес.

— Но ты сказал, что там была деревня.

— Была.

— Где она теперь?

Тогда он завел длинный рассказ, настолько мешая английскую речь с немецкой, что я не вполне понимал, о чем он говорит. Но прибли-

зительно я уловил, что давным-давно, сотни лет назад, там умерло много людей. Они были похоронены, но из-под глины доносились странные звуки, и когда могилы открыли, женщины и мужчины в гробах оказались румяными и не затронутыми тлением, а их рты были наполнены кровью. Торопясь спасти свою жизнь (и свои души, — перекрестившись, добавил он), те, кто остался, бежали в другие места, где жили люди, а мертвые были мертвецами... а не чем-то иным. Он особенно боялся произнести эти последние слова. По мере продолжения рассказа он волновался все сильнее и сильнее. Казалось, будто воображение захватило его в плен, и когда он закончил, то буквально трясся от страха — бледный, потеющий и оглядывающийся по сторонам, словно ожидая появления какого-то чудовищного существа прямо здесь, на открытой равнине под ярким солнцем. Наконец, охваченный мучительным отчаянием, он воскликнул «Вальпургиева ночь!» и указал на карету, чтобы я уселся на место.

Моя английская кровь восстала против этого, так что я отступил назад и сказал:

— Ты боишься, Иоганн, — ты слишком напуган. Поезжай домой, а я вернусь один; прогулка мне не повредит.

Дверь экипажа была открытой. Я взял свою дубовую прогулочную трость, лежавшую на си-

день, потому что всегда беру трость на экскурсии в отпуске, и закрыл дверь. Указав в сторону Мюнхена, я добавил:

— Отправляйся домой, Иоганн; Вальпургиева ночь не пугает англичан!

Лошади еще больше забеспокоились, и Иоганн пытался удержать их, взволнованно умоляя меня не совершать подобной глупости. Я жалел этого беднягу, который так искренне старался помочь мне, но все же не мог удержаться от смеха. В своей тревоге и расстройстве он забыл о единственном способе взаимопонимания между нами и теперь лопотал на своем родном языке. Это становилось немного утомительным.

— Домой! — велел я ему и направился к перекрестку дорог, ведущему в долину.

С отчаянным жестом Иоганн повернул лошадей к Мюнхену. Я оперся на трость и посмотрел ему вслед. Некоторое время он двигался медленно; потом на гребне холма появился высокий и худой человек — большего я не мог различить на таком расстоянии. Когда он приблизился к лошадям, те начали гарцевать на месте и лягаться, а потом заржали от ужаса. Иоганн не мог удержать их; они рванули с места, убегая как безумные. Я проводил их взглядом, потом искал незнакомца, но он тоже исчез.

С легким сердцем я повернул на боковую дорогу и начал спускаться в долину, так пугавшую

Иоганна. Насколько я мог видеть, для его протестов не было ни малейшей причины. Целых два часа я шагал, не думая о времени или расстоянии, и не заметил ни одного человека или дома. Там царило сплошное запустение. Я не обращал на это особого внимания, пока не оказался за поворотом дороги на краю леса; тогда я осознал, что глубоко впечатлен этой безлюдной пустошью.

Я присел, чтобы отдохнуть и осмотреться. Меня удивило, что здесь было гораздо холоднее, чем в начале моей прогулки. Вокруг слышались приглушенные вздохи, а потом откуда-то сверху послышался глухой рев. Посмотрев туда, я заметил плотные темные облака, быстро двигавшиеся по небу с севера на юг на большой высоте. Это был признак надвигавшейся бури. Я немного продрог, но решил, что это следствие остановки после энергичной прогулки, и продолжил ходьбу.

Местность, по которой я проходил, теперь стала гораздо более живописной. Там не было необычных объектов, привлекавших внимание, но на всем лежал отпечаток тихой красоты. Я почти не следил за временем, и только в густеющих сумерках начал задумываться о том, как найду дорогу домой. Яркий день погас. Воздух был холодным, и облака над головой двигались еще быстрее, чем раньше. Они сопровождались отдаленными шорохами и тем таинственным звуком,

который, по словам кучера, исходил от волков. Какое-то время я колебался. Я внушил себе, что должен увидеть заброшенную деревню, поэтому двинулся дальше и вышел на открытое место, со всех сторон окруженное холмами. Их склоны поросли деревьями, которые спускались в долину, усеянную мелкими рощами, с увалами и седловинами здесь и там. Я посмотрел вперед и увидел, что дорога изгибается возле одной из самых густых рощ и теряется за ней.

Пока я смотрел, стало еще холоднее, и внезапно пошел снег. Я подумал о нескольких милях, пройденных по этой дикой местности, а потом поспешил найти укрытие в лесу перед собой. Небо становилось все темнее, а снег шел все быстрее и гуще, пока земля впереди и вокруг меня не превратилась в блестящий белый ковер, дальний край которого терялся в туманной мгле. Дорога осталась, но ее границы были размыты, и вскоре я обнаружил, что каким-то образом сошел с нее, ибо под ногами исчезла твердая поверхность и они стали погружаться в мох и траву. Потом ветер задул сильнее и превратился в бурю, так что я был вынужден бежать под его натиском. Воздух стал ледяным, и, несмотря на мои усилия, я начал замерзать. Снег падал так густо и кружился передо мной такими быстрыми вихрями, что мне едва удавалось держать глаза открытыми. То и дело небосвод раскалывали пополам огромные